

Харченко О.В.

ВОЙНА ЯЗЫКОВ ИЛИ КУЛЬТУРНАЯ ОППОЗИЦИЯ НА ПРИМЕРЕ BLACK ENGLISH И СОЦИОЛЕКТА ВОЕННЫХ США

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко

The article “The War of Languages or Cultural Opposition on the Example of Black English and the Sociolect of Military Servicemen” deals with the problem of bilingual antonymous words and cultural opposition. It gives examples of antonymous homonyms, which exist on the level of one language (Black English against General American, and Military sociolect against General American). The author singles out the following types of cultural opposition: ethnic cultural opposition, social cultural opposition, national cultural opposition. The main task of cultural opposition is to create the negative ethnic, national or social stereotype.

О войне культур писали многие исследователи и писатели, включая Н.К.Рериха. Одним из способов разрушения культуры нации было изменение имён богов. Из древних мифов к нам дошло представление о том, что перед тем, как начать на Земле, война происходит на небесах. Но перед небесной битвой она должна состояться на словах. Всем известна библейская легенда о Вавилонском столпотворении, когда в результате разрушения древнего Вавилона и смешения языков люди перестали понимать друг друга. Русские и украинские писатели часто используют слово Вавилон в значении хаоса, огромного количества обезумевших людей. Так, Олесь Гончар в одном из своих произведений пишет: “...який там о кей у цьому мертво зупиненім залізнім вавілоні” [1:290].

Суть войны языков, с точки зрения публициста В.А.Шемшука, “заключается в том, что если какое-то слово у одного народа имеет священное [или положительное] значение, то у другого народа тому же самому слову...придают отрицательный смысл, что приводит людей в итоге к кровавым столкновениям между собой...” [2:67]. В девятнадцатом веке на войну культур и языков обратил своё внимание немецкий филолог и философ Фридрих Ницше в работе “Генеалогия морали”. Для этого явления он использовал специальный термин - “инверсия понятий”. В качестве примера он приводит слова “добродетельный”, “божественный”, которые первоначально в различных языках были семантически связаны с понятием богатства, а потом у большинства европейских народов неожиданно стали ассоциироваться с понятием бедности [3:299-321].

Автор статьи однажды также был озадачен группой верующих студентов -заочников, которые вполне серьёзно объясняли свою нелюбовь к английскому языку тем, что американские проповедники, к которым они в общем имели благодушное расположение слово Бог на английском произносили почти так же как и Гад (God имеет два типа произношения, одно из них /ga:d/). Переубедить эту группу студентов было далеко не лёгкой задачей.

В.А.Шемшук сравнивает ряд слов, входящих в лексический состав русского и авестийского языков, а также русского и санскрита. У русских *друг*- близкий человек, у авестийцев - *обманщик*, в старорусском *грех*- прелюбодейание, разврат, недостойное действие семьянина, на авестийском- *семьянин*, у русских *мзда*- дань, у авестийцев *мазда*- мудрость. На санскрите *дама*- это обуздание чувств, на русском женщина, или проявление своих чувств к женщине. На санскрите *пандит*- учёный, на русском *бандит*- это разбойник. В современном английском *pundit* – специалист СМИ, специалист-комментатор [4:488]. То же самое можно сказать и про еврейское *хохма*- мудрость, у русских- шутка, еврейское *фраер*- свободный, у русских- лёгкая жертва криминалитета. На тюркском *бардак*-порядок, на русском- беспорядок, на тюркском *хохол*- сын неба, на русском – презрительная кличка украинца [5:36]. На чешском *crstvu*, что звучит по-русски как черствый, но означает свежий. Подчёркивая неприятное отношение к человеку, его называли по имени национальности, с которой периодически возникали военные конфликты. В России долгое время слово *татарин* было ругательным. До сих пор на слуху русская поговорка: “Незванный гость хуже татарина.” У украинцев слово *турок* означает как жителя Турции, так и дурака. Интересную особенность заметил В.А. Шемшук в период противостояния России и Пруссии: “в России рыжих тараканов называли *прусаками*, а в Пруссии- *русаками*” [2:67]. К этому можно добавить то, что в Западной Украине слово *лях* долгое время означало не только жителя Польши, но и врага. Так, ряд застольных тостов у западных украинцев до сих пор заканчивается следующим выражением: “Україну треба любити, а ляха бити.” В 50е-80е года прошлого столетия в России слово *молдаванин*, кроме жителя Молдавии, означало тупицу. В эстонском народном эпосе за словом *немец*, кроме обозначения национальности, также закреплялось значение чёткого стереотипа безжалостного человека [13:89]. В период Великой Отечественной войны у русских слово *немец* означало враг.

Большинство из выше приведённых примеров иллюстрируют частичную межъязыковую антонимию как результат лексико-семантического варьирования или семантического сдвига на межъязыковом уровне. В социолингвистическом, так же, как и в культурологическом, плане, это явление можно назвать *культурной оппозицией*. Интересным лингвистическим феноменом является антонимическая омонимия на внутриязыковом уровне. На экстралингвистическом, психологическом, культурологическом уровне она ведёт к антагонистическому противопоставлению одной этнической группы (*этническая культурная оппозиция*), региональной группы (*региональная культурная оппозиция*) или социальной группы населения (*социальная культурная оппозиция*) к другой.

В контексте данной проблемы рассмотрим лингвистическое явление, которому ряд лингвистов и

писателей США дали название *bad is good* [6:17]. Это явление присуще этническому диалекту чёрных американцев США, который произошёл из территориальных диалектов южных штатов в результате миграции чёрных американцев на север и запад США и обычно называется Black English или Black English Vernacular [7:132]. Согласно данным ряда социолингвистов [8:10-25], на нём говорит до 80% чёрных американцев. Хотя некоторые лингвисты классифицируют Black English Vernacular как *этносоциальный диалект*, мотивируя это тем, что это есть диалект низших слоёв негритянского населения [9:397], будем пользоваться понятием *этнический диалект*, поскольку большинство звёзд американского спорта (баскетбол, бокс, бейсбол и т.д.), шоу-бизнеса и Голливуда, которые имеют афро-американское происхождение, такие, как Шакил О'Нил, Вуппи Голдберг, Мухаммед Али и т.д., используют различные грамматические, лексические и фонетические особенности Black English, несмотря на свой высокий социально-экономический статус. Рассматривая лингвистическое явление *bad is good*, исследователь-филолог Билл Роджерс наводит ряд прилагательных и существительных, которые в речи белых американцев имеют негативную эмоционально-оценочную коннотацию: apocalyptic-ужасный, апокалиптический; bad-плохой; badass- глупая задница (сленг); crazy-сумасшедший; deadly- смертельный, беспощадный; dirty-грязный; fat- толстый; fierce-сверепый, неистовый; filthy-непристойный, грязный; foolish-безрассудный; furious-разъярённый, взбешенный; gnarly-неуклюжий, несговорчивый; harsh-жестокый, бесчувственный; hure-наркоман, делающий инъекции наркотика шприцем (сленг); ill-больной; killer-убийца; kooky-странный (сленг); nasty-гадкий, своенравный; retarded-тормознутый; rude-грубый; the shit-дерьмо (сленг); sick-больной; stupid-глупый; vicious-злой, ожесточённый; wicked-безнравственный, порочный [6:15]. В речи чёрных американцев все вышеперечисленные прилагательные и существительные имеют положительную эмоционально-оценочную коннотацию, они означают- отличный, превосходный, энергичный и т.д. Налицо феномен "войны языков" на уровне одного языка. В результате лексико-семантического варьирования данные лексические единицы приобретают дополнительное значение, полностью антонимическое их основному лексическому значению. Ввиду полной антонимии значений (чёрный вариант и белый вариант), данные лексические единицы превращаются в омонимы – слова, различные по значению, но одинаковые по фонетической и морфологической форме. Назовём их этническими антонимическими омонимами. В социологическом и культурологическом плане назовём это явление- *этническая культурная оппозиция*.

Билл Роджерс считает, что этимологически лингвистическое явление под названием bad is good восходит к 17 столетию, когда негры-рабы, осмеливающиеся насмехаться над указаниями и правилами, установленными их белыми хозяевами, слышали в свой адрес от своих товарищей фразу ободрения: "That nigga is baaad" [6:15].

В современной Америке лексические единицы black и white также можно классифицировать как этнические, частично антонимические омонимы, поскольку прилагательное white в большинстве случаев у чёрных американцев имеет негативную коннотацию, например, whitey-презрительная кличка белого [21:1634], white devil – белый человек, white knuckle- нервный, трусливый человек, white lightning-низкокачественный алкогольный напиток, white bread- скучный [20:451]. В то же самое время слово black имеет в большинстве случаев положительную коннотацию, например, black gungeon- конопля высшего класса, black coffee- хорошее чёрное кофе без молока [20:44,45], два последних примера сопровождаются синонимом African. Что касается идиомы to be in the black- преуспевать, быть богатым [21:120], то по информации, полученной из личных бесед с американцами, эта идиома используется, в основном, чёрными американцами. У белых американцев отношение к цветам обратное. Психолингвистические тесты профессора Антони Гринвальда из Вашингтонского университета и профессора Махзарин Валаджи из Йельского университета, проведённые в 1989 году при участии 1300 белых студентов, показали, что в 90-95% слово white вызывает положительные эмоции (good), а вот слово black вызывает отрицательные эмоции (bad) [22:1-3]. Американский лингвист Орнальдо Л. Тейлор, который выпустил ряд работ по кросс культурной коммуникации, даёт следующий совет учителям средних школ США : "Осознавайте возможные негативные подтексты цветного символизма ...который может оскорбить людей и усилить предубеждённость" [23:12]. С его точки зрения, как black magic (чёрная магия) и black market (чёрный рынок), могут быть оскорбительными.

В зарубежной психологии 80-х годов довольно часто описывался эксперимент, который проводился факультетом психологии одного из университетов США. Представителям различных возрастных групп предъявлялась картинка, на которой два человека (негр и белый) разговаривают в вагоне нью-йоркского метро. Причём в руках у белого находится бритва с открытым лезвием. После этого предлагалось пересказать содержание картинки другим участникам эксперимента, которые не видели картинку. Обнаружилась неожиданная закономерность- в ходе пересказов 5-6 человек бритва оказывалась в руках негра, который угрожал ею белому. Это искажение постоянно повторялось в группах белых американцев старше 15 лет и отсутствовало в группах детей до 10 лет. Психологи пришли к мнению, что в отношении к негритянской этнической общности вмешивается действие негативной психологической установки [10:200].

Одним из главных элементов формирования негативной психологической установки является язык. Именно язык, согласно гипотезе Сепира-Уорфа, которую частично доказали психолингвистические эксперименты ряда лингвистов, в том числе Джона Луси [11:96-98], формирует ментальную деятельность человека. Бенжамин Л. Уорф в 1940 году писал: "...лингвистическая система (другими

словами грамматика) каждого языка – не просто репродуктивный инструмент для высказывания идей, но скорее сама есть формировщиком идей, программой и проводником ментальной деятельности индивида, его анализа впечатлений, синтеза ментального инвентаря профессии” [12:95]. Таким образом, антонимическая омонимия на внутриязыковом уровне, представленная этническими антонимическими омонимиями в речи чёрных американцев, как лингвистическое явление, присущее американскому английскому, является одним из элементов формирования негативной психологической установки по отношению к белым, или говоря языком этнопсихологов, – “негативного этнического стереотипа, под которым понимают чувственно окрашенные социальные образы, которые объединяют в себе социальный и психологический опыт общения и взаимоотношения людей...В основе...этнического стереотипа обычно лежит какая-нибудь заметная черта внешности...и какая-нибудь типичная черта в характере и поведении” [13:87].

Профессиональный язык военных в США, который включает военную терминологию, военный жаргон и военный сленг и который мы классифицируем как социолект военных США, также имеет в своём составе частично антонимические омонимы. Мы ставим знак равенства между понятиями *профессиональный язык военных*, и *социолект военных* присоединяясь к точке зрения шведского социолога Джона Голдторпа, который выделяет социальные группы общества на основе социально - профессиональной классификации общества [14:3-28]. А социолект- “это языковой вариант, типичный для определённой социальной группы носителей языка” [15:35]. Хотя большое количество социолингвистов и социологов предлагает классовую стратификацию общества, как основу социальной стратификации общества и выделяет определённые классы, например, такие как *middle middle class* (средний средний класс), *lower middle class* (нижний средний класс), *upper working class* (высший рабочий класс), *middle working class* (средний рабочий класс), *lower working class* (нижний средний класс), выводя при этом главными критериями классификации доход, профессию, уровень образования, работу родителей, жилищные условия и местность проживания [16:67], мы можем с этим согласиться только частично, поскольку роль профессии и узко специализированного профессионального языка как объединяющего социального фактора сильно возросла в связи с высокой специализацией профессиональной деятельности и диверсификацией знаний людей в результате технологической революции второй половины 20 века. Причислять генерала Генштаба США к той же социальной группе (по выше приведённой классификации – это, очевидно, нижний средний класс), что и программиста какой-то компьютерной компании на том основании, что у них почти одинаковый доход, высшее образование, одинаковые жилищные условия и местность проживания, и тем более утверждать, что они говорят на одном социолекте, не совсем логично. Очевидно, что речь генерала будет значительно ближе по стилистике, лексическому составу, грамматическим конструкциям речи младших офицеров и даже речи сержантского и рядового состава, чем речи программиста. Поэтому классификация социальных групп, а отсюда и социолектов по социально профессиональным параметрам, нам кажется более приемлемой в современных условиях, чем по классовым. Хотя, отдавая дань устоявшейся социолингвистической традиции, можно воспользоваться понятиями *социолект в широком смысле* (классовая стратификация общества) и *социолект в узком смысле* (социально-профессиональная стратификация). Нужно отметить, что и среди отечественных лингвистов были сторонники выделения социолектов по социально профессиональным параметрам. Среди них можно выделить В.Д. Бондалетова, который использовал термин *социально-профессиональные вариации языка*, к которым он относил: 1) профессиональные языки рыболовов, охотников, гончаров, дерево-отделочников, сапожников, а также представителей других промыслов и занятий; 2) групповые или корпоративные жаргоны учащихся, студентов, спортсменов, солдат и других, главным образом молодёжных коллективов; 3) устно-профессиональные (арго) языки ремесленников, торговцев и близких к ним социальных групп; 4) условные языки (арго, жаргоны) деклассированных элементов [17:29].

Для иллюстрации частично антонимических омонимов возьмём одну из американских армейских шуток. “His mother was horrified when she asked her son just home on leave after his first months in the Army, “Where do soldiers get their food from?” The son answered, “From a mess.” Her horror was still increased when she queried, “ And where do food supplies come from?” “ From a dump,” her son replied.” [18:47]. Сделаем перевод этой шутки без учёта военной специфики. “Его мать была шокирована, когда спросила своего сына, находящегося как раз в отпуске дома после первых месяцев армии, -“ Откуда солдаты получают свою пищу?” Сын ответил: “ Из грязи.“ Её ужас ещё увеличился, когда она осведомилась: “А откуда поступает продовольствие?” ”Со свалки,- ответил сын.” С учетом военной специфики слова *mess* и *dump*, которые имеют общеупотребительные значения –*беспорядок*, *грязь* и *свалка*, сохраняющие негативную оценочно-эмоциональную коннотацию, переводятся как *столовая* (военный термин) и *полевой склад* (военный термин) и имеют положительную оценочную коннотацию. Налицо игра слов, которая основывается на частично антонимичной омонимии. То есть, эти лексические единицы есть иллюстрацией антонимической омонимии на внутриязыковом уровне. Также в качестве примера можно взять выражение *to visit targets*, которое в период войны в Персидском заливе использовалось военными в значении *to attack targets*- атаковать цели [23:173]. Эти примеры иллюстрируют *социальную культурную оппозицию*.

Таким образом, мы считаем, что приведённые в статье примеры иллюстрируют наличие антонимических омонимов на внутриязыковом уровне, а также межъязыковой антонимии, и что это

лингвистическое явление на социолингвистическом и культурологическом уровне можно классифицировать как межнациональную культурную оппозицию, социальную культурную оппозицию и этническую культурную оппозицию, которые служат формированию негативных национальных, этнических стереотипов, а также негативных стереотипов к определённым социальным группам.

Литература

1. Коваль А.П. Слово про слово. -К., 1986.
2. Шемшук В.А. Шемшук. Эпоха Рая на Земле.-М., 2000.
3. Ницше Ф. К Генеалогии морали.-Минск, 2001.
4. Weiner R. Webster`s New World Dictionary of Media and Communications. - N.Y., Macmillan, 1996.
5. Аджи М. Полынь Половецкого поля.- М.,1994.
6. Rogers B. How to talk American. -Washington. Penguin, 1999.
7. Arthur T. The Oxford Companion to the English Language.- Oxford. Oxford University Press.,1992.
8. Dillard J.L. Black English. -N. Y., Random House, 1972.
9. SteinerJ.V. Sociocultural approaches to language and literacy.\\ An interactionist perspective.-Cambridge. Cambridge University Press, 1994.
10. Klinberg O. Social Psychology. –N.Y., Random House, 1982.
11. Hudson R.A. Sociolinguistics. -Cambridge. Cambridge University Press,1996.
12. Whorf B.L. Language, Thought and Reality; Selected Writings of Benjamin Lee Whorf.- N.Y., 1966.
13. Баронин А.С. Этнопсихология.- К., МАУП, 2000.
14. Goldthorpe J.H. Social Mobility and Class Structure in Modern Britain.- Oxford. Clarendon Press, 1980.
15. Петренко А.Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии.- К., Рідна мова, 1998.
16. Trudgill.J.K. Dialectology .-Cambridge. Cambridge University Press.,1994.
17. Бондалетова В.Д. Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев. Автореф. дисс. ...докт. филол. наук. М., 1966.
18. Судзиловский Г.А.Fall out for laugh. М: Воениздат, 1974.
19. Белл.Т.Р.Социолингвистика.М.,Международные отношения.1980.
20. Тузовский Е.И. Англо-русский словарь американского сленга. М.,1993.
21. SummersD. Dictionary of Contemporary English.-Barcelona.Longman. 1995.
22. Leavens S. Website Reveals Prejudices of Which You May Not Be Aware.\\ [Yale Daily News](#) .

www.studentadvantage.com.28\1\2001

23. Mascull B. Key Words in the Media. –Birmingham. Harper Collins Publishers, 1997.
24. Taylor L.O. Cross-Cultural Communication: An Essential Dimension of Effective Education. Washington. The Mid Atlantic Equity Center, 1990.